

*Курьянов С. О.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврического национального университета имени В. И. Вернадского*

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ХЕРСОНЕССКОГО МИФА

Аннотация. Крымский текст сформировался в русской литературе XIX века. Претекстом его был Крымский миф. Этот миф неоднороден и состоит из разных фундаментальных константных текстов. Формирование русского представления о Крыме древнерусские книжники начали опосредованно, как переводчики произведений византийского происхождения. Так в русской литературе появился целый ряд херсонесских сказаний. В данной статье охарактеризован один из эпизодов Крымского (Херсонесского) мифа – сказание о чуде святых Космы и Дамиана.

Ключевые слова: Херсонес, Крым, Крымский текст, Крымский миф, христианские сказания, древнерусская литература, Косма и Дамиан.

Постановка проблемы. До сих пор важной литературоведческой проблемой является Крымский текст русской литературы, несмотря на известную степень его исследованности.

Термин Крымский текст появился в ряду других терминов, обозначающих региональные (локальные, топические) тексты (Пермский, Венецианский, Московский, Лондонский и т.п.) после выхода известной книги В. Н. Топорова о Петербургском тексте [послед. изд.: 7] и окончательно вошел в научное сознание благодаря работам российского культуролога А. П. Люсого [см.: 2; 3; 4], а также ряду публикаций крымских и украинских филологов и культурологов – Е. К. Беспаловой, И. М. Богоявленской, В. П. Казарина, О. Л. Калашниковой, Н. А. Кобзева, М. А. Новиковой, Л. А. Ореховой и др.

Тут важно подчеркнуть, что «если Петербургский текст был порожден Петербургским мифом, то Крымский текст – мифом Тавриды» [4, с. 4]. И миф это неоднороден. На протяжении разных веков он видоизменялся и приобретал свой неповторимый облик, который в дальнейшем и сформировал многогранный Крымский текст.

Без выявления сути и элементов Крымского мифа разговор о Крымском тексте невозможен. В этом и состоит актуальность данной статьи.

Предметом данного исследования является один из элементов Крымского (и если точнее, его части – Херсонесского) мифа – херсонесское христианское сказание о чуде святых Космы и Дамиана, а целью статьи – показать, как формировался в сознании древнерусских книжников и читателей миф о Корсуне-Херсонесе как колыбели русского православия.

Совершение чудес, явленных благодаря вере и молитве, не является исключительным событием для целого ряда херсонесских сказаний. Все они, будучи произведениями как византийского, так и русского про-

исхождения, так или иначе, несли в себе в качестве основного сюжетного мотива возможность чуда – как подтверждения бытия Божьего или Его особой милости к святым угодникам. Все они либо пришли в русскую литературу и утвердились в ней, либо были написаны русскими авторами в XI–XIII веках. И именно тогда стали фактом русского православнохристианского сознания.

Среди многочисленных херсонесских христианских сказаний, пришедших в русскую литературу в XI–XII веках, известен и рассказ о чуде святых Козьмы и Дамиана. В нем прочитывается своеобразно преломленный евангельский сюжет о чуде, сотворенном Христом в Кане Галилейской:

«Поведають нецци, яко единою въ граде Корсуне бе обчина гостинная у мужа единого. Людие же пивше за дньии седмъ и придоша пити на осмии днь. И рече господарь братии: «Нестъ уже ничто же пити». Они же, на игру, рекше: «Вземше съсудъ великъ плнь воды и въставъ, попинъ дасть всем по стьяляницы воды». И самъ приимъ, и начат мльвити тропарь сии святая безмездника. И се бысть чюдо предивно: обратися вода мед сладокъ. Они же, чюдивше, прославиша Бога и святою Козмы и Дамиана. И пиша, веселишася град весь. По дванадесять дњи съсудъ николи же не причръпашеся. Но егда безумнии чловецы начяшя мльвити скверная словеса и все нелепо творити, и сего ради погыбе от нихъ мед, яко и Раи от Адама. И бысть паки вода в сосуде, в чашахъ. Се же слава Богу нашему Иисусу Христу и ныне, и присно, и въ веки веком. Аминь» [6, с. 171–172].

В сюжете Евангелия от Иоанна повествуется, как Иисус и ученики Его были приглашены для участия в свадебном торжестве – одном из главных человеческих торжеств; там же была и святая Дева Мария. Колебания Иисуса, заключавшиеся в том, стоит ли Ему превращать воду в вино, что было связано с невозможностью объявления в этот период о Своей сущности, закончились чудом, свершившемся тайно. О нем было известно лишь ученикам, уверовавшим после этого во Христа как Сына Божьего.

Картина эта не лишена бытовых подробностей. Здесь и заметные препирательства между Матерью и Сыном: «И как недоставало вина, Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жёно? еще не пришел час Мой. Мать Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте» (Ин. 2: 3–5). Он – несколько раздражен: вмешиваются в Божественный Промысел; не людям указывать, когда Он должен явиться к ним во всем Своем великолепии. Но Его просит Мать, поэтому легкое раздражение сменяется пояснением: еще не время. Однако ни таинство

брака, ни свадебный пир не могут обойтись без вина, и Мать поступает как старшая в роду: Она Сама начинает распоряжаться, и Сыну ничего не остается, как сделать то, о чем Его просят.

До бытового уровня снижают повествование и упоминание о шести каменных водоносах, «стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры» (Ин. 2: 6), и подробное описание самого процесса превращения воды в вино: «Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли» (Ин. 2: 7–8), и недовольство распорядителя пира, отдававшего вино: «...тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2: 9–10).

Во всем происходящем легко заметна антитеза. Это – и сама оппозиция *вода / вино*, на которой строится весь конфликт; это и оппозиции *Иисус / Мария*, *Иисус / распорядитель*, *распорядитель / жених*. Но самый существенный конфликт, внутренний, рождает еще одну, самую важную оппозицию – *земное / Небесное*.

То, что происходит в душе Спасителя, чрезвычайно ярко и неоднозначно подано в рассказе о Его внешних действиях. В Нем противоборствуют Небесное и земное, Бог и человек. Это передано в виде стилистических противоречий в словах Христа: раздражение («что Мне и Тебе, Жёно?») и попытка объяснения («еще не пришел час Мой»). Господь не может раздражаться, но человек может. Господь следует только Своим Собственным Законам. Следствие этого – возращение Матери и попытка указания Ей на превышение Ею власти, данной от Бога. Но человек, живя в человеческом мире, следует человеческим законам, которые, кстати сказать, также установлены Богом. Отсюда и подчинение Матери, следствием чего стало совершение чуда, время которому еще не пришло, и смятение, вызванное тем, что Законы, Им Самим установленные, входят друг с другом в противоречие.

Однако, как явствует из текста, все эти колебания существуют только на высшем уровне – уровне Самого Иисуса и Его Матери и незаметны для окружающих.

Оппозиция *Иисус / распорядитель* подчеркивает величие Бога стилем и смыслом ее передачи. Спаситель спокоен, Он лишь указывает служителям, подготовленным распоряжением святой Марии («что скажет Он вам, то делайте»), что им нужно делать. Причем действия служителей здесь элементарны («наполните» – «и наполнили», «почерпните и несите» – «и понесли»). Элементарностью действий подчеркивается не убожество служителей, а тот факт, что для Иисуса процесс превращения воды в вино не является собственно процессом, то есть чем-то растянутым во времени. Изменение состояния жидкости происходит даже не мгновенно, а абсолютно естественно, натурально и поэтому совершенно незаметно для окружающих, что и передано глаголами простого действия. Причем подчеркнем: действуют служители – Он бездействует.

Мысли и действия распорядителя, данные без особых подробностей, подчеркнута снижены в смыс-

ловом и стилистическом отношении, утилитарны: он возмущен неразумностью (по его земным, человеческим представлениям) действий жениха, поскольку пьяным людям все равно – плохое или хорошее вино они будут потреблять далее, – и не видит высокого смысла пира.

Эта антитеза вновь подчеркивает и величие Христа, и Небесное, Божественное происхождение вина, тогда как вода имеет сугубо земное происхождение.

В то же время показательна и акцентация внимания читателя не на самом факте превращения воды в вино, а на внутренних колебаниях Христа, на противоречиях в Нем земного и Небесного, человеческого и Божественного, что еще более убеждает в Его величии, Его великом предназначении.

В херсонесском предании о чуде святых Космы и Дамиана конфликт (и, следовательно, сюжет) также построен на оппозиции *вода / вино*, сама же ситуация и форма ее передачи имеют во многом иной колорит. Оппозиция *вода / вино* и в этом тексте несет в себе также синонимичность оппозиции *земное / Небесное*. Но необходимо заметить, что главное расхождение с библейским текстом здесь кроется в том, что в первом случае Христос Сам превращает воду в вино, тогда как в херсонесском сказании превращение происходит после молитвы, обращенной к Господу и святым безмездникам. То, что для Иисуса является простым в своем торжественно величии, в интерпретации мирян оказывается суетно-бытовым.

Существенная разница между сутью событий первого и второго сюжета коренится уже в том, что в Кане Галилейской пир был свадебный, в херсонесском сюжете о цели и смысле пира даже не говорится. В первом случае мы имеем дело с таинством, осуществляющимся по небесным законам, во втором – лишь о веселии, не имеющем видимого смысла: «Поведають нецци, яко единого въ граде Корсуне бе обчина гостинная у мужа единого. Людие же пивше за дънии седмъ и приидоша пити на осмый дънь». Отсюда и суетность, утилитарность происходящего. Просто закончилось вино – нашли способ его достать. Даже о самом факте обращения к святым угодникам говорится шутя: «Они же, на игру, рекше». И вообще каждая деталь действий хозяина и гостей выписана в подчеркнуто бытовом духе («Вземше съсудъ великъ плънь воды и въставъ, попинъ дасть всем по стъкляницы воды»). И самъ приимъ, и начат мльвити тропарь сии святая безмездника»: для участников действия это просто развлечение.

«Шутники»-гости не рассчитывают, судя по их настроению, только на то, что их затея может удалиться. Собственно, это единственное объяснение произошедшему чуду. В неожиданности – одно из свойств христианских чудес. Это особенно важный момент, поскольку чудо случается лишь в подтверждение веры праведного человека или же, как в данном случае, для вразумления неправедного.

Однако само чудо передано именно как чудо: его свидетели и пирующие были изумлены: «И се бысть чудо предивно: обратися вода мед сладокъ. Они же, чюдивше...», благодарили «Бога и святою Козмы и Дамиана», после чего пир продолжался еще двенадцать дней («ве-

селишася град весь»), причем – что существенно отличается данный сюжет от евангельского! – «съсудь николи же не причръпашеся». Вместе с осознанием великого чуда люди вкушали вино, приобщаясь к Небесному.

Особое звучание всему херсонесскому событию придает тот факт, что святые Косма и Дамиан прославились как безмездные лекари людских тел и душ. В таком контексте появление вина, случившееся после молитвенного обращения к ним, может быть воспринято только как дарование лекарства, призванного укрепить людей и физически, и духовно. Но слабость человеческая чаще всего заключается в том, что то, что дано во благо, человечеством нередко употребляется себе на погибель: лекарство, дарованное Богом, в руках человеческих становится ядом. Напившись вина, герои херсонесского предания забыли о его Божественном происхождении, не смогли наполнить жизнь духовным, Небесным – и остались с водой, то есть со своим обыденным, невзрачным, суетным, бездушным существованием («но егда безумнии чловецы начяшя мльвити скверная словеса и все нелепо творити, и сего ради погыбе от нихъ мед, яко и Раи от Адама»).

В этом, кстати, кроется одно из существенных отличий этого сюжета от евангельского. Вино и вода несут в себе многозначный символический смысл. Вино в данном контексте – радостная, осмысленная, одухотворенная жизнь («се бысть чюдо предивно: обратися вода мед сладокъ»). Вода – жизнь серая, бессмысленная, бездушная («бысть паки вода в сосуде, в чашахъ»). «Чудо предивно» – и «только вода».

В Евангелии этой оппозиции нет, поскольку все акценты повествования сфокусированы на Боге, а не на людях. В херсонесском сюжете акцентирована роль чуда в жизни человека. В евангельском событии чудо – естественное свойство Бога. В херсонесском сказании чудо – неожиданная и всегда желанная радость, ненадолго, но ярко озаряющее земное невзрачное человеческое бытие своим небесным светом, придающее ему цель и смысл, которые по небрежению теряют люди, как некогда Адамом был утерян Рай. Повествование переводится в философский ракурс осмысления действительности, чем подчеркивается сущность человеческого бытия: жажда райской жизни и неумение ее удержать. Отсюда традиционное утверждение величия бытия Божьего, завершающее херсонесский рассказ: «Се же слава Богу нашему Иисусу Христу и ныне, и присно, и въ веки веком. Аминь».

Любопытно, что выводы, следующие из анализа текста, подтверждаются и нумерологически. В сказании о чуде три числа: 7, 8 и 12. Семь дней пировали, на восьмой день произошло чудо, двенадцать дней пировали еще. Через двенадцать дней люди забыли Бога, и вино снова превратилось в воду.

В христианском числословии «семерка была связана с учением о свойствах Духа Святого (7 дарований Духа) и с христианской этикой (7 добродетелей и 7 смертных грехов) и поэтому, видимо, знаменовала собой высшую степень познания Божественной тайны и достижения духовного совершенства» [1, с. 28–29]. «С числом 7 соотносится главная христианская молитва – «Отче наш», содержащая семь прошений..., а также ко-

личество главных таинств Церкви (Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причащение, Елеосвящение, Брак, Священство)» [1, с. 46–47].

«Число 12, согласно христианским представлениям, соотносилось с образом народа Божия (двенадцать колен Израиля и двенадцать апостолов)...» [1, с. 30]. «С числом 12 соотносится принятый Православием и состоящий из 12-ти пунктов Никеоцареградский символ ...; с числом 12 соотносится также количество самых почитаемых и наиболее торжественно отправляемых праздников (помимо Пасхи) в годовом богослужебном цикле» [1, с. 47].

Не ясна лишь в данном контексте символика числа 8, которое, скорее всего, может быть воспринимаемо как производное, часть «числа Мессии» – 888-ми [см.: 5, с. 672], поскольку чудо произошло именно на восьмой день.

Применительно к случаю с анализируемым произведением символика чисел должна читаться, во-видимому, так: пирующие нарушили семидневную гармонию и, будучи одарены новой возможностью двенадцатидневного духовного просветления, не смогли осознать высокий смысл свершившегося и, погрязши в грехах, утратили возможность соприкосновения с Небесным.

Херсонесское христианское сказание о чуде святых Космы и Дамиана, таким образом, несмотря на следование мотиву евангельского события о первом чуде Иисуса Христа, совершенном в Кане Галилейской, является ярким и самобытным произведением. Подчеркнутая тематическая традиционность, внешняя стилистическая и сюжетная непритязательность и кажущееся отсутствие оригинальных идей и суждений на поверку оказываются обманчивыми. Анонимный христианский автор нашел свой, особенный путь в художественной передаче Господней милости к людям, сущности и мотивов человеческого греха, стройности и психологической обусловленности поступков и событий.

Таким образом, по представлениям древнерусских писателей. Херсонес – это край, отмеченный особым Божиим смотрением и благословением. Благодаря мифологизированным формам древнерусского текста Херсонес становится символом православной святости.

Литература

1. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века) [Текст] / В. М. Кириллин ; РАН. ИМЛИ. О-во исследователей Древней Руси. – СПб. : Алетей, 2000. – 311 с.
2. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб.: Алетей, 2003. – 314 с.
3. Люсый, А. П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность [Текст] / А. П. Люсый. – М. : Русский импульс, 2007. – 240 с.
4. Люсый, А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста [Текст] : Дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / А. П. Люсый. – М., 2003. – 186 с.
5. Мифологический словарь / Мелетинский Е. М. (гл. ред.). – М. : Советская энциклопедия, 1991. – 709 с.
6. Памятники христианского Херсонеса [Текст] : В 3 вып. – М. : Тип. тов-ва А. И. Мамонтова, 1911. – Вып. 2 : Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности / Сост., статьи и коммент. П. А. Лаврова. – 253 с.
7. Топоров, В. Н. Петербургский текст [Текст] / В. Н. Топоров. – М. : Наука, 2009. – 826 с. – (Памятники отечественной науки).

Кур'янов С. О. Про один епізод Херсонеського міфу

Анотація. Кримський текст сформувався в російській літературі XIX століття. Претекстом його був Кримський міф. Цей міф неоднорідний і складається з різних фундаментальних константних текстів. Формування російського уявлення про Крим давньоруські книжники почали опосередковано, як перекладачі творів візантійського походження. Так в російській літературі з'явився цілий ряд херсонеських сказань. У даній статті охарактеризований один з епізодів Кримського (Херсонеського) міфу – сказання про диво святих Косми і Даміана.

Ключові слова: Херсонес, Крим, Кримський текст, Кримський міф, християнські сказання, давньоруська література, Косма і Даміан.

Kuryanov S. About one episode of Chersonese's myth

Summary. The Crimean text was formed in the Russian literature of the 19th century. Its pretext was the Crimean myth. This myth consists of different fundamental constant texts. The forming of Russian impression about the Crimea the old-russian bookers started mediatedly, as the interpreters of the works of Byzantine origin. Therefore, in the Russian literature the row of chersonese tales appeared. In the presented, article one of the episodes of the Crimean (Chersonese) myth – the legend of the miracle of the saints Cosmas and Damian.

Key words: Chersonese, Crimea, Crimean text, Crimean myth, Christian legends, old Rus' literature, Cosmas and Damian.